

ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ ЮЖНОГО КАВКАЗА В КОНТЕКСТЕ ПРОТИВОСТОЯНИЯ ЗАПАД-РОССИЯ: МОТИВЫ, СУБЪЕКТЫ И ФАКТОРЫ

Дунамалян Н. А.

Аннотация

В статье рассматривается специфика роли Южного Кавказа в системе международных отношений в свете прежнего (до 2020 г.) соотношения интересов России и Запада, а также их нынешнего противостояния. Автор представляет краткий анализ истории отношений между центрами силы на Южном Кавказе после распада СССР, а также выделяет узловые проблемы, которые могут возникнуть в процессе пересмотра места южнокавказского региона в контексте современной геополитики.

ՀԱՐԱՎԱՅԻՆ ԿՈՎԿԱՍԻ ԱՇԽԱՐՀԱՔԱՂԱՔԱԿԱՆ ԴԻՐՔԱՎՈՐՈՒՄԸ ԱՐԵՎՄՈՒՏՔ-ՌՈՒՍԱՍՏԱՆ ԱՌՃԱԿԱՏՄԱՆ ՀԱՄԱՏԵՔՍՈՒՄ.

ՇԱՐԺԱՌԻԹՆԵՐ, ՍՈՒԲՅԵԿՏՆԵՐ ԵՎ ԳՈՐԾՈՆՆԵՐ

Ն. Ա. Դունամալյան

Սեղմագիր

Հոդվածում ուսումնասիրվում է Հարավային Կովկասի տեղը միջազգային հարաբերությունների համակարգում նախկին (մինչև 2020թ.) ՌԴ-Արևմուտք շահերի հարաբերակցության և դրանց ներկայիս առճակատման լույսի ներքո: Հեղինակը ներկայացնում է ԽՍՀՄ փլուզումից հետո Հարավային Կովկասի ուժային կենտրոնների հարաբերությունների պայմանության համառոտ վերլուծությունը, ինչպես նաև ընդգծում է առանցքային խնդիրները, որոնք կարող են առաջանալ ժամանակակից աշխարհաքաղաքականության համատեքստում հարավկովկասյան տարածաշրջանի դիրքի վերանայման գործընթացում:

GEOPOLITICAL POSITIONING OF THE SOUTH CAUCASUS IN THE CONTEXT OF THE WEST–RUSSIA CONFRONTATION: MOTIVES, SUBJECTS AND FACTORS

Dunamalyan N. A.

Summary

The article examines the specifics of the role of the South Caucasus in the system of international relations within the light of the previous (until 2020) balance of interests between Russia and the West, as well as their current confrontation. The author presents a brief analysis of the history of the relations between the centers of power in the South Caucasus after the collapse of the USSR, and also highlights the key problems that may arise in the process of revising the place of the South Caucasus region within the context of the modern geopolitics.

ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ ЮЖНОГО КАВКАЗА В КОНТЕКСТЕ ПРОТИВОСТОЯНИЯ ЗАПАД–РОССИЯ: МОТИВЫ, СУБЪЕКТЫ И ФАКТОРЫ²

Введение

На протяжении последних тридцати лет образ Южного Кавказа менялся по мере распада прошлых социальных, политических, экономических, культурных связей с Россией и прихода в регион новых акторов в лице Запада и возрождающихся держав Азии. Кроме того, переосмысление геополитической роли Южного Кавказа в контексте мирового порядка совпало с глобальными изменениями, которые выявили ряд внешне- и внутривнутриполитических противоречий в контексте инертной политики великих держав.

Если в прошлом «единство» Южного Кавказа определяли общее прошлое в рамках СССР или Российской империи, распространенность русского языка, экономические и инфраструктурные связи³, то к 2020-м гг. сформировалась тенденция распада постсоветских структур в контексте различных геополитических ориентиров (Грузия была ориентирована на интеграцию с ЕС и НАТО, Азербайджан – на Турцию, Армения придерживалась приоритетности отношений с РФ в рамках ОДКБ и ЕАЭС).

В эпоху Российской империи Закавказье воспринималось как периферийное пространство, граничащее с неразвитыми государствами (Османская империя, Персия), которые прежде владели этими территориями, но уступили их России. Для Турции и Ирана территории, граничащие с Кавказом, также не считались перспективными по причине отсутствия тесных связей с Россией, низким уровнем модернизации и наличием представителей нетитульной нации в приграничных регионах, развитие которых воспринималось как негативное явление и путь к сепаратизму (армяне в Османской империи, турки в Персии). В советский период «железный занавес» опустился также и на границы с Турцией и Ираном, что в культурном и социальном плане еще больше изолировало регион, который был уже тесно интегрирован в общее социальное, политическое и экономическое пространство с Россией. После распада СССР и череды этнополитических конфликтов Южный Кавказ перешел в фазу медленного переформатирования

¹ Кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Российско-Армянского (Славянского) университета.

² Статья представлена в типографию 25.07.2023 г.

³ Искандарян А. Южный Кавказ между изоляцией и интеграцией: генезис и перспективы // Кавказское соседство: Турция и Южный Кавказ. Ер.: Институт Кавказа, 2008. сс. 7-14.

своих отношений с РФ и другими странами. Завершение этой фазы можно связать с кардинальными изменениями роли Южного Кавказа после Второй Арцахской (Карабахской) войны 2020 и российско-украинской войны 2022 гг., когда транзитный потенциал региона обрел новую актуальность, выходящую за рамки прежних региональных проектов (Баку-Тбилиси-Джейхан, Баку-Тбилиси-Карс, автомагистраль «Север-Юг» и т.д.).

Классическое направление «Европа-Россия-Азия», более пятидесяти лет располагавшее высокими пропускными мощностями и развитой логистической инфраструктурой в Центральной и Восточной Европе⁴, в 2022 г. стало пространством нестабильности, нарушив предыдущие экономические и торговые связи между ЕС и РФ. Южный Кавказ, воспринимавшийся до этого как нестабильный регион, приобрел более важное значение для ЕС (и Запада, в целом), стремящегося обеспечить свои потребности в энергоресурсах в обход России, так и для России, которая пытается найти новые пути для минимизации эффекта ограничительных политических и экономических мер западных стран в сфере обеспечения безопасности.

Кроме того, перемещение глобального экономического центра на Восток и рост влияния КНР в контексте продвижения проекта «Один пояс – Один путь» способствуют развитию инфраструктуры в интересах всех акторов на пространстве Южного Кавказа, Ближнего Востока, Центральной и Южной Азии. Такое совмещение интересов имеет тактический характер, направленный на утверждение позиций каждого из субъектов региональной политики с точки зрения будущего противостояния или обеспечения стратегического баланса сил в Евразии.

Попытки тактического взаимодействия Запада и РФ на Южном Кавказе

Окончание Холодной войны и прекращение существования одной из сверхдержав привели к пересмотру приоритетов внешней политики США как основного лидера «коллективного Запада», что сказалось также и на странах Южного Кавказа, хотя изначально американское руководство стремилось напрямую не влиять на региональные процессы и использовать ресурс ельцинской России и натовской Турции. Кроме того, США изначально принимали прерогативу РФ в качестве медиатора конфликтов на Южном Кавказе и, одновременно с этим, поддерживали независимые республики региона, что в перспективе давало возможность стать арбитром в отношениях между Россией и государствами Южного Кавказа. Иными словами, Соединенные Штаты пытались выстроить иерархизированные отношения на

⁴ Давтян В.С. Геополитическое измерение энергетической и транспортно-логистической безопасности Армении: Монография. – Ер.: Изд-во ЕГЛУ, 2019. сс. 64-65.

постсоветском пространстве, защищая свои основные приоритеты на начало 1990-х: контроль над распространением ядерного оружия, сохранение глобального лидерства США, демократизация новых независимых стран, противодействие возникновению региональных конфликтов и недопущение появления региональных гегемонов. Стоит отметить, что Россия стала участником программы НАТО «Партнерство во имя мира» в 1994 г., одновременно с южнокавказскими республиками.

Политика США на Южном Кавказе изначально не имела стратегических очертаний и до сих пор остается не вполне четкой. Из первых шагов, направленных на включение Южного Кавказа в общую повестку, можно отметить «Акт о поддержке свободы» 1992 г. (статья 907 запрещала оказывать помощь Азербайджану в условиях блокады Армении и Нагорного Карабаха)⁵, финансовую помощь странам Южного Кавказа, участие американских компаний в «контракте века» с Азербайджаном и другие инициативы. Однако эти мероприятия не имели систематического характера и относились ко всему постсоветскому пространству. Выявление более четкой программы взаимодействия США со странами Южного Кавказа начало складываться после 1994 г., в ходе применения стратегии «превентивной обороны» Пентагона⁶, направленной на нейтрализацию возникающих угроз посредством военной поддержки независимых государств, прежде всего, способствуя перевооружению этих стран. Вашингтон должен был взять на себя обязательства по организации зон безопасности на постсоветских территориях⁷. Данная доктрина соответствовала общей логике внешней политики США, но в понимании проактивного действия предупреждения угроз (под такой угрозой также воспринималось стремление России восстановить зону своего влияния). С другой стороны, уже в 1997 г. заместитель госсекретаря США С. Тэлбот охарактеризовал внешнеполитическую стратегию США на Южном Кавказе как продвижение политических и экономических реформ в независимых республиках, способствующих урегулированию региональных конфликтов, поддержке энергетической безопасности и продвижению интересов коммерческих компаний США⁸. Российский исследователь С. Маркедонов также выделяет ключевые этапы американской политики на Южном Кавказе с 1997 г., отмечая

⁵ FREEDOM Support Act. 102nd Congress (1991-1992), <https://www.congress.gov/bill/102nd-congress/senate-bill/2532/text> (дата обращения: 23.07.2023)

⁶ Carter A. B., & Perry W. J. (1999). Preventive Defense: A New Security Strategy for America. Brookings Institution Press. <http://www.jstor.org/stable/10.7864/j.ctvdfokk4> (дата обращения: 23.07.2023)

⁷ Величко Л.Н. Южный Кавказ в системе внешней политики США 1991-2001 гг / Л.Н. Величко // Гуманитарные и юридические исследования.- 2018.- № 1.- С. 20-25.

⁸ Talbot S. A Farewell to Flashman: American Policy in the Caucasus and Central Asia. Baltimore, Maryland July 21, 1997. URL: <https://1997-2001.state.gov/regions/nis/970721talbot.html> (дата обращения: 23.07.2023)

три основных периода: 1. активизация США в вопросе поддержки стабильности политических режимов на Южном Кавказе, не оспаривая роль России; 2. этап более тесного сотрудничества после 2001 г. с целью противодействия терроризму и поддержка политических изменений («Революция роз» в Грузии в 2003 г.); 3. включение Южного Кавказа в проект Большого Ближнего Востока после 2006 г.⁹ (к проблеме ББВ мы обратимся ниже). Таким образом, политика США на Южном Кавказе была нацелена на поддержку независимых государств региона при наличии взаимодействия с РФ как заинтересованного государства, что в перспективе давало возможность контролировать транзитные пути через регион и противодействовать формированию нового гегемона.

Во всяком случае, нельзя сказать, что политика США на Южном Кавказе обладала специфическими чертами и выделялась на фоне ближневосточной доктрины американского правительства, но специфичной эту политику делали отношения с Россией, которая, несмотря на кризисное состояние, сохраняла ключевые позиции на Южном Кавказе. Россия смогла сыграть посредническую функцию в грузино-абхазском и югоосетинском конфликте, а также заняла позицию одного из сопредседателей Минской группы ОБСЕ по урегулированию Нагорно-Карабахского конфликта. Более того, Южный Кавказ стал наиболее приоритетным направлением российской внешней политики на фоне «ухода» из Украины, Казахстана и Прибалтики. Такую ситуацию можно объяснить нестабильностью в регионе Северного Кавказа и войной в Чечне. Вопросы региональной безопасности и стабильности стали наиболее важными в контексте взаимодействия России с Арменией, Грузией и Азербайджаном, однако в сфере социального, экономического, культурного развития РФ не могла конкурировать с американскими и европейскими проектами. Несмотря на это, до 2008 г. противостояние Россия-США не переросло в открытый конфликт. Российское руководство разделяло идею «мира через экономическое сотрудничество», выдвинутую Соединенными Штатами на Вашингтонском саммите НАТО (апрель 1999 г.)¹⁰, и с ростом своих экономических возможностей пыталась вовлечься в конкуренцию на Южном Кавказе. В вопросе безопасности в 2007 г. президент РФ В. Путин предлагал американской стороне совместно использовать Габалинскую РЛС в Азербайджане вместо размещения элементов американской ПРО в Польше и Чехии¹¹. Однако процессы на Южном Кавказе показали запоздалость таких

⁹ Маркедонов С. М. Южный Кавказ: конкурирующие геополитические проекты – особенный регион в российской внешней политике. //Кавказ – сотрудничество ради стабильности. Материалы конференции. «ПолиГраф». Тбилиси. 2008 г. С. 60-67

¹⁰ Чернявский С. И. Кавказский вектор российской дипломатии//Центральная Азия и Кавказ, №5 (11), 2000, с. 102-111.

¹¹ Путин предложил США совместно использовать РЛС в Азербайджане в качестве элемента ПРО, <https://www.newsru.com/world/07jun2007/proporobuem.html> (дата обращения: 23.07.2023).

предложений со стороны РФ, так как после 2001 г. Грузия постепенно вошла в орбиту евроатлантических интересов, добившись к 2007 г. полного вывода российских баз со своей территории. В вопросе Азербайджана также присутствовал некоторый скепсис, связанный с углублением отношений с Турцией и возможной переориентацией на НАТО в будущем. В Армении 2008 г. начался с внутривосточной дестабилизации, которая оставила глубокий отпечаток на всем последующем политическом процессе. Иными словами, политика США на Южном Кавказе к 2008 г. исключала активное участие России, чьи планы могли идти вразрез с американской доктриной. Именно поэтому первым симптомом распада постсоветского пространства стала августовская война с Грузией.

Европейский союз, в отличие от США и России, долгое время использовал только социально-экономический инструментарий для привлечения южнокавказских республик в свои квазинтеграционные проекты, связанные с обеспечением политической и экономической стабильности на окраинах Европы, а также стремление к диверсификации транспортной и энергетической потребностей европейских стран. Проекты TRASECA (транспортный транзит) и INOGATE (поддержка энергетической сферы) стали магистральными идеями для развития инфраструктуры в пределах коридора «Азия-Кавказ-Европа», хотя частичная вовлеченность Армении по причине блокады со стороны Турции и Азербайджана, а также многочисленных конфликтов, не давала возможности полноценно реализовать данные проекты. Программа «европейского добрососедства» в 2000-х гг. способствовала углублению отношений между Европой и Южным Кавказом, проложив дорогу предложениям об ассоциативных соглашениях в рамках проекта «Восточное партнерство». Однако дальнейший процесс привел к провалу региональной интеграции, спровоцировав формирования новой линии раскола между сторонниками европейской и евразийской интеграции. Если в 1990-х – начале 2000-х страны Южного Кавказа могли сами выбрать геополитический вектор развития, то после 2013 г. окно возможностей окончательно закрылось.

Такой процесс связан с двумя параллельными направлениями политики Запада и России в регионе. В случае с США и ЕС углубление отношений с Южным Кавказом происходило в контексте дистанцирования республик от влияния Кремля и распада постсоветского пространства, в то время как после стабилизации внутривосточной обстановки и роста цен на углеводороды Россия восстановила свои позиции и пыталась достичь баланса сил на всей территории бывшего СССР. Оба этих течения столкнулись в 2014 г. на фоне украинского кризиса и присоединения Крыма к России, однако этот, на первый взгляд, региональный сюжет был уже вписан в общую картину будущей конфронтации на всем пространстве Евразии.

Южный Кавказ в контексте конфронтации между Россией и Западом после 2014 г.

В 2014-2015 гг. столкновение двух конкурирующих геополитических проектов привело к формированию «сообщающихся» конфликтов в рамках украинского и сирийского кризисов. С одной стороны в 2014 г. начался период длительного ухудшения отношений между Россией и Украиной на фоне войны на Донбассе и введения Западом санкций против РФ, с другой – в 2015 г. начало военной операции РФ в Сирии ознаменовало качественно новый этап в международных отношениях с точки зрения изменения расстановки сил на Ближнем Востоке и на постсоветском пространстве. Обращаясь к теории комплексов региональной безопасности американских исследователей Б. Бузана и О. Вейвера (Regional Security Complex Theory)¹², можно отметить, что после 2015 г. произошло вовлечение новых акторов в региональный конфликт и привязывание нескольких геополитических сюжетов в одну цепочку взаимодействия (Сирия, Карабах, Донбасс и т.д.), что привело к формированию нового «региона», который стал значительно шире Восточной Европы, Ближнего Востока или Южного Кавказа. Формирование такого «региона» связано с определенным уровнем тесной и интенсивной взаимозависимости акторов в вопросах безопасности. Взаимодействие по вопросам безопасности (это может быть конфликт, сотрудничество или раздел сфер влияния) выстраивает новую систему отношений, которые могут выходить за рамки прежних форматов. Именно поэтому вмешательство России в гражданскую войну в Сирии, агрессивные действия Турции (уничтожение российского истребителя СУ-24М турецким F-16 в 2015 г.) или Апрельская пограничная война в Нагорном Карабахе в 2016 г. не могут восприниматься как оторванные друг от друга сюжеты.

Согласно теории комплексов региональной безопасности, постсоветское пространство относится к центрированным комплексам, где российская политика региональной безопасности во многом является конституирующим началом всей геополитической конъюнктуры, однако после 2014 г., а еще больше после 2020 г., начался некоторый переход к региональной многополярности или же новой «централизации», где несколько акторов стали бороться за право выстраивания нового региона.

¹² Buzan, B., & Wæver, O. (2003). *Regions and Powers: The Structure of International Security* (Cambridge Studies in International Relations). Cambridge: Cambridge University Press. doi:10.1017/CBO9780511491252.

Место Южного Кавказа в инфраструктурных проектах «Великого шелкового пути» и «Север-Юг»

Однако вернемся к вопросу о транспортных путях через Южный Кавказ. Изначально данный регион рассматривался США и ЕС как транзитный коридор «Европа-Кавказ-Азия». Однако большая часть инфраструктуры в прежние годы была «заточена» на связь Европы и Азии через территорию России, по морю, автомобильные магистрали Ближнего Востока или авиаперевозки. Железнодорожное сообщение с Турцией и Ираном происходило по одному пути: через Гюмри и Джульфу соответственно. А неразвитость железнодорожного транспорта в Турции и Иране по субъективным и объективным причинам не давали возможности для развития транспортного потенциала Юга Евразии. После обретения независимости южнокавказскими республиками железнодорожное сообщение на Южном Кавказе оказалось изолированным по причине войн в Абхазии и Нагорном Карабахе.

Несмотря на это, в США и Европе разрабатывались проекты о создании транспортных коридоров в рамках проектов «Нового шелкового пути». Задолго до китайской инициативы «Один пояс – один путь» идея создания транспортного мегапроекта «Великий шелковый путь» возникла в рамках переосмысления транспортной политики США и ЕС на постсоветском пространстве. В 1999 г. в Конгрессе США был принят закон «Стратегия Шёлкового пути»¹³, нацеленный на поддержку транспортной инфраструктуры между независимыми республиками Южного Кавказа и Центральной Азии. Проект TRASECA также рассматривался в качестве платформы для соединения Европы, Турции, Южного Кавказа и Центральной Азии. В 2017 г. было открыто железнодорожное сообщение Баку-Тбилиси-Карс, что (несмотря на первоначальное недовольство США и ЕС по поводу обхода Армении в начале строительства в 2008 г.) было одобрено ЕС как коридор соединяющий Европу с Центральной Азией на пространстве «Великого шелкового пути»¹⁴. Кроме того, присутствие американского, британского, итальянского, норвежского, японского, французского и других капиталов в прокладке нефте- и газопроводов по территории Турции показывает стратегическое восприятие «коллективным» Западом своего интереса на Южном Кавказе и в Центральной Азии.

В этом контексте инфраструктурный проект Китая «Один пояс – один путь» становится не конкурирующим с западным проектом, а дополняющим многие торговые и экономические связи в Центральной Азии. С другой

¹³ Silk Road Strategy Act of 1999. <https://www.eso.org/gen-fac/pubs/astclim/espas/maidanak/silkroad.html> (дата обращения: 23.07.2023).

¹⁴ EU Statement on opening of the Baku-Tbilisi-Kars railway. 30.10.2017. https://www.eeas.europa.eu/node/34825_en (дата обращения: 23.07.2023).

стороны, инициированный Россией, Ираном и Индией международный транспортный коридор «Север-Юг» дает более широкие возможности для скрещивания транспортных путей и создания обширной инфраструктурной сети. Иными словами, мы видим общее стремление к созданию созвучных проектов в сфере развития транспорта и экономических связей на фоне геополитической конфронтации, что демонстрирует борьбу тактических и стратегических подходов глобальных и региональных игроков. Общая направленность политики, на первый взгляд, может показаться совпадением интересов, однако разница заключается в конечных целях.

Дискурс открытия транспортных коммуникаций возник сразу после распада СССР, но политические вопросы заслонили экономические. К примеру, закрытие армяно-турецкой границы Турцией имело только политическую подоплеку, хотя в других случаях присутствовал фактор военных действий на территориях, через которые проходят транспортные пути. Изначально каждый внерегиональный актор в стратегическом плане имел перед собой образ геоэкономического будущего на Южном Кавказе.

Россия пыталась восстановить советскую инфраструктуру, завязав все транспортные пути на себе, не допуская обхода российской территории в рамках каких-либо масштабных проектов. Проект «Север-Юг» в этом контексте воспринимался как заслон для западной экспансии на Южный Кавказ и в Центральную Азию, поскольку он пересекал все бывшие и будущие коммуникации данных регионов. Запад мыслил в категориях глобальной инфраструктурной сети, которая не предоставляла какому-либо государству или группе стран контролировать или блокировать передвижение товаров, что косвенно, если не напрямую, было направлено против России. ЕС также пытался обеспечить диверсификацию в сфере импорта углеводородов, чтобы не допустить исключительного доминирования российского энергетического фактора в Европе. Региональные державы Турция и Иран стремились играть роль геополитических «брокеров» или «хабов» в рамках соединения разных регионов Евразии, что не противоречит интересам Запада и России, но настраивает регионы на конкуренцию различных проектов (в т. ч. в вопросе поиска финансов на постройку дорог и углубления политических отношений). Китай же стремился к инфраструктурной экспансии с целью связать различные рынки Евразии с КНР напрямую и направить трубопроводы России, Казахстана и других экспортеров нефти и газа в сторону китайских потребителей. Иными словами, ключевые акторы готовы к развитию транспортных коммуникаций, однако с учетом некоторых нюансов, которые не нарушат стратегический баланс.

Вместе с тем после 2017 г. начался новый этап «транспортной» дипломатии между ЕС, Турцией и Азербайджаном, включавший окончание постройки

Южного газового коридора¹⁵, который должен был соединить Азербайджан посредством Турции со странами Южной Европы. В 2018 г. был введен в эксплуатацию Трансанатолийский газопровод (TANAP), а 15 ноября 2020 – Трансадриатический трубопровод. Данный проект стал сокращенной версией нереализованного «Набукко» и стал важным политическим событием в контексте укрепления азербайджано-турецкого экономического и военно-политического союза. Если проект «Набукко» и, в частности, вопрос прокладки газопровода по дну Каспийского моря встретил сопротивление России из-за экологических проблем на Каспии¹⁶, то «южный газовый коридор» уже не воспринимался так негативно по причине возможного использования мощностей газопровода Россией¹⁷. Однако после 2022 г. ухудшение международной геополитической обстановки может перевернуть систему договоренностей, сформированных до войны в Украине.

Условия изменились не в 2022 г., а в 2020, когда поражение Армении в 44-дневной войне привело к пересмотру региональных отношений и изменению формата взаимоотношений геополитических игроков. Требование открытия транспортных коммуникаций между западными регионами Азербайджана и Нахичеванской автономной республикой можно рассматривать именно в логике реформатирования Южного Кавказа из «региона-периферии» в «регион-хаб». Вместе с тем, дискуссия по поводу открытия коммуникаций является лишь констатацией происшедших изменений, однако остается ключевой вопрос – форма реализации изменений и определения ролей основных акторов данного процесса.

Несмотря на радикальные изменения в регионе, такая перспектива, учитывая долгий период обсуждений и реализации транспортных проектов, возможна только через несколько десятилетий. Если Южный Кавказ в инфраструктурном плане остается отчасти изолированным от главных магистралей Евразии, то перспектива постройки новых путей через Иран в Индию или в Центральную Азию столкнется с огромным количеством технических (ширина колеи железных дорог), экономических (рост цены на нефть в ходе транспортировки из Центральной Азии), политических (наличие конфликтов) и других проблем.

Вместе с тем, наличие регионального конфликта в Восточной Европе создает необходимость обеспечить стабильность транспорта из Азии в Европу

¹⁵ Айвазян Д.С. Южный газовый коридор как инструмент диверсификации импорта газа в Европейский Союз//Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2018. № 2. сс. 128-134.

¹⁶ Россия не даст согласие на строительство транскаспийского газопровода из Туркменистана в Азербайджан. 16.12.2022. <https://news.am/rus/news/735541.html> (дата обращения: 23.07.2023).

¹⁷ Газ из РФ и Азербайджана могут поставлять в Европу через газопровод ТАР. 02.11.2016. <https://regnum.ru/news/2200677> (дата обращения: 23.07.2023)

в обход России, что необходимо для ЕС и для большего усиления эффекта санкционной политики Запада против России. Для РФ поворот на Юг и Восток становится магистральным направлением внешней политики, что ведет к восприятию Южного Кавказа как одного из коридоров во внешний мир, где должна быть обеспечена геополитическая стабильность. Исторически подобная ситуация уже возникала в 1970-х гг., когда «Война Судного дня» и последовавший за ней глобальный нефтяной кризис привел к переориентации западноевропейского рынка на поставки газа и нефти из СССР¹⁸. Сегодня происходит обратный процесс, настраивающий ЕС на быстрый поиск альтернативных путей обеспечения энергетической безопасности европейского макрорегиона.

Таким образом, стабильность и предсказуемость региональных отношений становится приоритетным направлением политики России и Запада на Южном Кавказе, и одним из ключевых направлений в этом отношении становится урегулирование армяно-азербайджанского конфликта.

Сохранение относительного консенсуса между РФ и США по карабахскому урегулированию

Вопрос урегулирования Нагорно-карабахского конфликта и миссия НАТО в Афганистане долгие годы считался консенсусным в рамках российско-американского сотрудничества. После 2014 г. помощь России миссии НАТО в Афганистане была прекращена, но контакты по вопросу урегулирования Карабахского конфликта продолжались.

Американская позиция по карабахскому конфликту следовала общей политике США в вопросе урегулирования этнополитических конфликтов посредством разграничения этнических сообществ по отдельным территориальным единицам (пример Югославии). Именно поэтому два плана, предложенных бывшим советником госсекретаря США П. Гоблом, включали обмен территориями без учета политических, социальных, культурных и иных особенностей данного конфликта¹⁹. К тому же, в опубликованной в 2006 г. знаменитой статье Р. Петерса «Кровавые границы: как мог бы лучше выглядеть Ближний Восток» территория Армении представлялась в контурах схожих с «планом Гобла»: Сюникская область была полностью окружена территорией Азербайджана²⁰. Однако такие «сенсационные» публикации вряд

¹⁸ Кампанер Н. Европейская энергобезопасность и уроки истории // Россия в глобальной политике. №6, 2007. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/evropejskaya-energobezopasnost-i-uroki-istorii/> (дата обращения: 23.07.2023).

¹⁹ План Гобла по карабахской проблеме до сих пор является предметом интенсивного обсуждения. 14.02.2008. <https://www.panarmenian.net/m/rus/details/42634> (дата обращения: 23.07.2023).

²⁰ Peters, Ralph. "Blood borders." Armed Forces Journal, 1 June 2006. Web. 26 June 2014. <http://www.armedforcesjournal.com/blood-borders/> (дата обращения: 23.07.2023).

ли могут быть претворены в жизнь сегодня, хотя они демонстрируют общее отношение к ситуации на земле, в рамках которой важны не детали, а общие очертания будущего региона. В этом смысле российская сторона была более внимательна к реальному положению дел, так как регион Южного Кавказа еще в прошлом был частью территории СССР и многие этнополитические разногласия возникли не в 1991 и даже не в 1988 гг., а существовали до и после установления советской власти. Позиция России заключалась в поиске взаимоприемлемых решений для армянской и азербайджанской стороны, что могло некорректно интерпретироваться сторонами конфликта. Важным аспектом также было стремление учесть позицию не только Армении или Азербайджана, но и властей Арцаха (Нагорно-Карабахской Республики)²¹. Разница в этих подходах ощущалась изначально, когда западные переговорщики воспринимали ситуацию как территориальный спор между двумя государствами с включением элемента защиты прав человека, а российская сторона выделяла узловые элементы конфликта, настаивая на соблюдении интересов всех сторон.

Тем не менее за весь период переговорного процесса различные предложения со стороны МГ ОБСЕ сводились к сохранению баланса между тремя принципами урегулирования: неприменение силы или угрозы силой, территориальная целостность государства, право народов на самоопределение²². Американская и российская позиции были схожи в том, что конфликт должен быть урегулирован. Конечные цели отличались: США пытались быстро разрешить конфликт с целью включения региона в новые инфраструктурные проекты в основном в обход России и демократизировать южнокавказские республики²³. Россия предлагала более сложный процесс урегулирования, подразумевавший предоставление Нагорному Карабаху высокого уровня самоуправления (на уровне субъекта федерации) в составе Азербайджана, сохранив баланс интересов Армении, НКР и Азербайджана²⁴, но формальные аспекты достижения этих целей во многом совпадали в контексте процедурных решений вопроса.

В ходе Второй Арцахской войны все предыдущие принципы урегулирования были нарушены Азербайджаном, а логика переговорного процесса окончательно искажена. Консенсус вокруг урегулирования между Россией и США, несмотря на рост напряженности в двухсторонних

²¹ Казимиров В.Н. Мир Карабаху. Посредничество России в урегулировании нагорно-карабахского конфликта. – 2-е изд., доп. – Москва : Международные отношения, 2015. сс. 33-34.

²² Мадридские Принципы – Полный Текст. <https://www.aniarc.am/2016/04/12/madrid-document-full-russian/> (дата обращения: 23.07.2023).

²³ Большие намёки маленькой Армении. <https://www.rosbalt.ru/main/2004/05/27/163141.html> (дата обращения: 23.07.2023).

²⁴ Примаков о Нагорном Карабахе: часть 3. <https://mediamax.am/ru/news/special-file/22028/> (дата обращения: 23.07.2023).

отношениях, сохранялся по поводу достижения окончательного результата «урегулирования», поскольку, по мнению некоторых российских²⁵ и западных²⁶ политических деятелей, война «способствовала» разрешению многих ключевых противоречий и приблизила стороны к заключению мирного договора.

После войны в Нагорном Карабахе началась конкуренция РФ, США и ЕС вокруг единой повестки урегулирования армяно-азербайджанского конфликта. Трехстороннее заявление от 10 ноября 2020 г., ввод российского миротворческого контингента в Нагорный Карабах и подписание декларации о союзническом взаимодействии с Азербайджаном давали России возможность считать себя главным медиатором в вопросе урегулирования конфликта, однако переключение России на войну в Украине привело к формированию новых площадок урегулирования в Брюсселе и Вашингтоне. Отдельные предложения в виде инициативы «три плюс три», исходящей из Турции, не оказались востребованными. За три года после войны основные элементы формата урегулирования конфликта в публичном дискурсе стали более размытыми и перешли в сферу закулисных обсуждений на фоне конкуренции различных переговорных площадок.

В конечном счете, после Второй Арцахской войны в регионе сложилась уникальная ситуация, когда конфликт привел к более запутанной ситуации, чем было прежде, несмотря на уверенность посредников в скорейшем решении конфликта за счет армянских уступок. Вместо разблокировки коммуникаций Армения получила заблокированную трассу Горис-Капан, по которой проходила основная часть грузов из Ирана, а блокада Арцаха привела к парализации передвижения из Армении в Нагорный Карабах и работы РМК, то есть, в результате, на Южном Кавказе были заблокированы две автомагистрали. Турция, в свою очередь, укрепила позиции в Азербайджане на уровне политического и военного присутствия, а также укрепления пантюркистской идеологии в рамках заключения Шушинской декларации. В то же время военно-политическая уязвимость Сюникской области Армении привела к геополитическому вовлечению Ирана в вопрос военно-политического и экономического развития данного региона. Формат работы Минской группы ОБСЕ претерпел изменения, и эта организация стала фактически «спящим институтом». В рамках наблюдения за прекращением огня на территории Армении начала функционировать миссия ЕС.

Очевидно, что все вышеперечисленные факторы влияют на отношения России и США, но перенос глобальной конфронтации в регион Южного

²⁵ Лавров убежден, что политическое урегулирование в Карабахе возможно. <https://tass.ru/politika/9712099> (дата обращения: 23.07.2023)

²⁶ Посол Британии в Баку: Лондон выступает за международный контингент в Карабахе. <https://www.bbc.com/russian/news-56942212> (дата обращения: 23.07.2023).

Кавказа не является приоритетом ни для одной из сторон (трения Грузии с Украиной и ЕС имеют краткосрочный характер²⁷) по причине сосредоточения на войне в Украине. Южнокавказский регион становится альтернативным путем для обеспечения «косвенных» политических и экономических связей между Западом и РФ, поэтому эскалация конфликта на этом пространстве не будет выгодна крупным игрокам, а давление на Армению будет возрастать с целью заключения мирного договора с Азербайджаном как закрепления нового статус-кво.

Регион глазами экспертного сообщества РФ и Запада: оценки и стратегическое видение

Описанное выше может продемонстрировать некоторые наброски восприятия Западом и Россией места Южного Кавказа в современных международных отношениях. В случае Запада доминирует позиция ориентализма, воспринимающая Южный Кавказ как часть абстрактного Востока, который возможно преобразовать в контексте западной парадигмы²⁸. Похожую политическую концепцию можно найти у З. Бжезинского, который выделяет понятие «Евразийские Балканы»²⁹, включающего регионы Южного Кавказа и Центральной Азии в качестве театра будущего противостояния России и Запада, а также ключевого региона Евразии. И, наконец, концепция «Большого» или «Нового» Ближнего Востока включает регион Южного Кавказа в общую логику демократизации этого гигантского пространства, что подразумевает под собой поддержку малых суверенных государств и этнополитических движений в определенных регионах с точки зрения сохранения американского контроля над действиями региональных держав (пример, Курдистан).

В российской геополитической литературе Южный Кавказ воспринимается двояко: как некоторое пространство, соединяющее Россию с Ближним Востоком и Индией в рамках продолжающейся «Большой игры», или же часть «лимитрофа» - межцивилизационного пояса³⁰, дистанцирующего Россию от других центров силы. Во всяком случае в рамках российской геополитической мысли по отношению к Южному Кавказу также ощущались «нотки» ориентализма, которые в будущем перекочевали в общественный дискурс восприятия Кавказа как нечто единого и далекого (даже по отношению к Северному Кавказу).

²⁷ Получит ли Грузия статус страны-кандидата на членство в Евросоюзе? <https://www.golosameriki.com/a/eu-georgia-decision/7137025.html> (дата обращения: 23.07.2023).

²⁸ См. Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока: Русский мир, 2006. - 636 с.

²⁹ Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. - М.: Междунар. отношения, 1999. - 256 с.

³⁰ Цымбурский В.Л. Остров Россия: Геополитические и хронополитические работы. 1993-2006. М.: РОССПЭН, 2007. 544 с.

На западе экспертные оценки происходящих на Южном Кавказе процессов основывались на мнении, что этнополитические и иные конфликты в регионе можно решить с помощью экономической интеграции, борьбы с бедностью и отказа политических элит от насаждения национализма³¹, поскольку отличия между южнокавказскими народами сконструировано посредством исторических и культурных мифов³². Однако такое понимание наивно и во многом спекулятивно, так как неолиберальный подход, декларирующий отсутствие границ как между этносами, так и другими социальными группами, дискредитирует себя в кризисных ситуациях даже в самых развитых государствах (пример, реакция государств на пандемию Covid-19). С другой стороны в России, несмотря на многолетние связи со странами Южного Кавказа, не сформировалось научной школы, которая занималась бы изучением государств и региона в целом. Актуальность изучения Кавказа в условиях Советского Союза носило, скорее, этнографический характер, что продолжается по инерции по сей день. Можно выделить некоторое количество российских специалистов, которые профессионально занимаются Южным Кавказом, однако изучение данного направления остается неприоритетным.

На общественном уровне мы можем заметить схожее отношение ко всем южнокавказским республикам, и отношение к ним рядовых граждан не сильно разнится, несмотря на различие статусов в отношениях с РФ. Наиболее дружественными странами респонденты в России называют Китай, Беларусь и Казахстан (Рис. 1). Армения занимает четвертую строчку в данном списке стран, а Азербайджан входит в первую десятку.

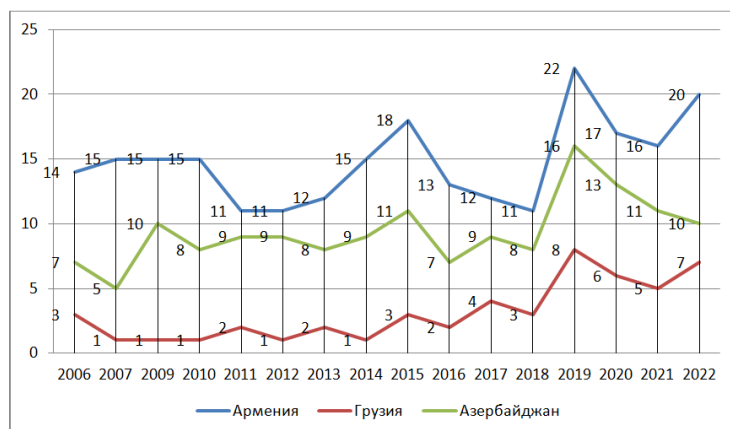

Рисунок 1. Наиболее дружественные России государства (страны Южного Кавказа), %

Источник: [Левада центр. https://www.levada.ru/2022/06/15/mezhdunarodnye-otnosheniya-7/](https://www.levada.ru/2022/06/15/mezhdunarodnye-otnosheniya-7/)

³¹ Rumer E., Sokolsky R., Stronski P. U.S. Policy Toward the South Caucasus: Take Three / Carnegie Endowment for International Peace. 2017. PP. 6-8. URL: https://carnegieendowment.org/files/CP_310_Rumer_Sokolsky_Stronski_Caucasus_Final_Web.pdf (дата обращения: 23.07.2023).

³² De Waal T. The Caucasus: an introduction. New York, Oxford University Press, 2019, PP. 101-102.

Из южнокавказских республик только Грузия долгое время входила в список недружественных государств, однако отношение к этой стране у российских респондентов сегодня более положительное (Рис.2) и связано с сбалансированной политикой Грузии в текущий момент.

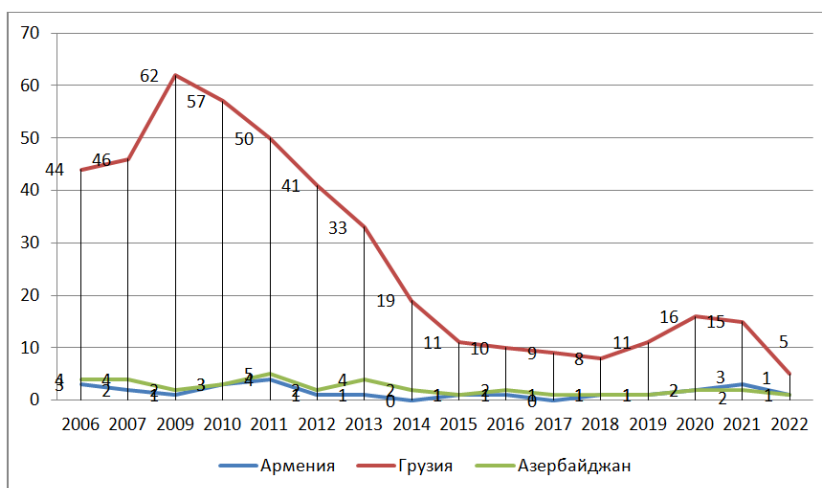

Рисунок 2. Наиболее недружественные России государства (страны Южного Кавказа), %

Источник: Левада центр. <https://www.levada.ru/2022/06/15/mezhdunarodnye-otnosheniya-7/>

Симптоматичным кажется отношение российской аудитории к Карабахской проблеме, что проявлялось в форме равного дистанцирования от Армении и Азербайджана с точки зрения симпатий российского общества, работы медиа и нарративов официальной пропаганды. Даже в случае 44-дневной войны основной фокус внимания российского общественного мнения был направлен на противостояние с НАТО или США, поэтому даже в качестве главного инициатора военных действий в Нагорном Карабахе 21 процент опрошенных назвали НАТО или США, а одобрение размещения российских миротворцев объяснялось нежеланием допустить появления в регионе военных сил других государств (против размещения миротворческого контингента Турции выступило 69 % респондентов)³³.

В западном общественном дискурсе отношения со странами Южного Кавказа не играют какой-либо значимой роли и формируются на основе активности диаспоральных сообществ. Однако, в стратегических документах

³³ Саркисян О. Л., Дунамалян Н. А. (2021) «Вторая Карабахская война в контексте освещения событий в российском медиаполе и экспертных оценках», Вестник Ереванского Университета: Международные отношения, Политология, 12(3 (36), сс. 44–54. doi: 10.46991/BYSU:D/2021.12.3.044. URL: https://journals.y-su.am/index.php/bulletin-y-su-int-rel-pol/article/view/vol12_no3_2021_pp044-054/vol12_no3_2021_pp044-054.pdf (дата обращения: 23.07.2023).

Южный Кавказ в целом или некоторые государства иногда упоминаются. В стратегиях национальной безопасности США 2017 г. администрация Д. Трампа выделила только фрагмент про «вторжение России в Грузию...»³⁴, в то время как Стратегия-2022 отмечает готовность США поддержать «европейские устремления Грузии» и «дипломатические усилия по урегулированию конфликта на Южном Кавказе»³⁵. При этом о «конфликте» написано в единственном числе, что означает восприятие карабахского конфликта как ключевого процесса в регионе. В стратегическом обзоре Великобритании 2023 г. Южный Кавказ упоминается в контексте повышения «устойчивости к российскому вмешательству»³⁶, а в стратегическом документе Франции 2022 г. из стран Южного Кавказа указывается только Грузия в рамках развития отношений с странами «европейского добрососедства»³⁷. Такая же тенденция сохраняется в первой стратегии национальной безопасности ФРГ 2023 г.³⁸, где упоминаются только перспективы вступления Грузии в ЕС. Таким образом, в западных стратегических документах Южный Кавказ присутствует только в рамках проблемы противостояния России или интеграции с ЕС.

В российских стратегических документах отдельной страны Южного Кавказа или региона в целом упоминается в некоторых стратегиях национальной безопасности РФ и концепциях внешней политики. Во многих случаях Армения не упоминается отдельно, подразумеваясь в качестве члена СНГ, ОДКБ или ЕАЭС. С 2015 г. в стратегических документах РФ постоянно упоминается развитие отношений с Абхазией и Южной Осетией³⁹. В Концепции внешней политики 2016 г. понятие «Закавказье» отмечено в связи с необходимостью нормализации отношений с Грузией, а также указывается урегулирование Нагорно-карабахского конфликта в рамках деятельности МГ ОБСЕ⁴⁰. В

³⁴ National Security Strategy of the United States of America. December 2017. <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (дата обращения: 23.07.2023).

³⁵ National Security Strategy. October 2022. <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (дата обращения: 23.07.2023).

³⁶ Integrated Review Refresh 2023. Responding to a more contested and volatile world. https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/1145586/11857435_NS_IR_Refresh_2023_Supply_AllPages_Revision_7_WEB_PDF.pdf (дата обращения: 23.07.2023).

³⁷ National strategic review 2022, <https://www.sgdsn.gouv.fr/files/files/rms-uk-20221202.pdf> (дата обращения: 23.07.2023).

³⁸ Integrated Security for Germany. National security strategy. <https://www.national-sicherheitsstrategie.de/National-Security-Strategy-EN.pdf> (дата обращения: 23.07.2023).

³⁹ Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015 г. № 683. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации. <http://www.kremlin.ru/acts/bank/40391/page/4> (дата обращения: 23.07.2023).

⁴⁰ Указ Президента Российской Федерации от 30.11.2016 г. № 640. Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации. <http://kremlin.ru/acts/bank/41451/page/4> (дата обращения: 23.07.2023).

последней редакции концепции внешней политики РФ от 2023 г. сохраняются те же тенденции, хотя отношения со странами Южного Кавказа подробно не описываются и уступают взаимодействию в рамках БРИКС и ШОС⁴¹. Главной тенденцией изменения стратегических документов РФ является демонстрация постепенного ухудшения отношений с Западом, что напрямую не касается Южного Кавказа, но ограничивает пространство для маневра южнокавказских республик.

***Мирная повестка Южного Кавказа:
навязанный или объективно необходимый дискурс?***

Геополитические изменения последних лет демонстрируют необходимость достижения мира и стабильности на Южном Кавказе, о чем свидетельствуют различные инициативы и проекты, направленные на «открытие» региона для транзита и продвижения мирной повестки сразу из нескольких центров силы. Однако региональное миротворчество имеет различные оттенки, связанные со стремлением добиться более удобной позиции для будущей геополитической «игры». В этом контексте «мир» воспринимается в контексте структурирования отношений на Южном Кавказе и в более широком регионе с целью повышения предсказуемости последующих процессов.

После 2020 г. международное сообщество прошло через несколько этапов турбулентности, однако сегодня крупные державы пытаются определиться с новыми приоритетами в рамках кризиса прошлых форматов взаимоотношений. Южный Кавказ в этом контексте становится ключевым регионом, где скрещиваются пути из Европы в Центральную Азию и из России в Иран и Индию. Инфраструктурные проекты, будучи очень сложным комплексом технических мероприятий, нуждаются в стабильной ситуации в регионе для привлечения инвестиций и перспективности вложений, поэтому мир на Южном Кавказе становится одним из приоритетных направлений в контексте будущей глобальной экономической переориентации на рынки КНР и Юго-Восточной Азии.

Наряду с мирными инициативами в рамках урегулирования Нагорно-Карабахского конфликта, можно отметить еще несколько тенденций, демонстрирующих нацеленность великих держав на обеспечение «мира любыми средствами». Основным объектом давления в этом контексте становится Армения, поскольку «мир за счет Армении» является наиболее реалистичным сценарием в рамках сложившейся ситуации. Основные аргументы ускорения достижения мира касаются необходимости снижения

⁴¹ Указ об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации. 31.03.2023. <http://kremlin.ru/events/president/news/70811> (дата обращения: 23.07.2023).

планки требований армянской стороны в рамках переговорного процесса⁴², включения Армении в будущие инфраструктурные проекты (МТК «Север–Юг»)⁴³ и скорейшего достижения мирного договора с Азербайджаном с точки зрения обеспечения прав и безопасности для населения Нагорного Карабаха⁴⁴. Достижение «мира», исходя из таких условий, за счет одного из государств региона может привести к окончательному нарушению баланса сил на Южном Кавказе и грозит новыми попытками в будущем решить спорные вопросы силовыми методами. К тому же отказ некоторых региональных и внерегиональных игроков от старых стратегий взаимодействия может привести к неэффективности новых подходов, что в конечном счете заставит их играть по чужим правилам.

Необходимым дискурсом для долгосрочного мира может быть только создание условий для стабильного баланса сил в регионе. В этом контексте восстановление военно-политической мощи Армении становится приоритетным направлением не только для обеспечения безопасности армянского общества, но и стабилизации ситуации в регионе с целью недопущения разрастания конфликтной зоны.

Заключение

Выше мы представили некоторые штрихи, демонстрирующие особенности восприятия Южного Кавказа на Западе и в России. Прежние схемы понимания региона во многом устарели и были основаны на стереотипах и инерции, поэтому понимание сегодняшних реалий в южнокавказских республиках будет нуждаться в более пристальном изучении.

Вместе с тем, мы можем заметить попытки со стороны мировых держав сконструировать определенную систему отношений на Южном Кавказе, что до сих пор отчасти удавалось сделать США. Однако меняющаяся позиция России также показывает переосмысление некоторых факторов работы с южнокавказскими обществами. Эффективность данных подходов покажет будущее, но в текущий момент пересмотр устоявшихся отношений между постсоветскими государствами кажется рискованным и потенциально взрывоопасным. К этому вопросу стоит обратиться более подробно в контексте

⁴² Международное сообщество призывает Армению снизить планку в вопросе статуса Нагорного Карабаха – Пашиняну 13.04.2022. <https://newsarmenia.am/news/armenia/-mezhdunarodnoe-soobshchestvo-prizyvaet-armeniyu-snizit-planku-v-voprose-statusa-nagornogo-karabakha/> (дата обращения: 23.07.2023).

⁴³ Армения рискует выпасть из проекта транспортного коридора «Север – Юг». 23.10.2022. <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2022/10/24/946972-armeniya-riskuet-vipast-iz-proekta-koridora-sever-yug> (дата обращения: 23.07.2023).

⁴⁴ «Кризис углубляется»: Россия добивается гарантий прав и безопасности армян Карабаха. <https://eadaily.com/ru/news/2023/07/21/krizis-uglublyaetsya-rossiya-dobivaetsya-garantiy-prav-i-bezopasnosti-armyan-karabaha> (дата обращения: 23.07.2023).

анализа конкретной расстановки сил в регионе и на всем постсоветском пространстве, которое переживает очередной процесс «распада».

Угрозы

Текущая ситуация крайне рискогенна для Армении с точки зрения нескольких ключевых факторов:

- Внутри- и внешнеполитическая ситуация вокруг Армении, сложившаяся после поражения во Второй Арцахской войне, основана на широком консенсусе между великими державами по поводу общего будущего региона Южного Кавказа без углубления в подробности, что грозит давлением на Армению в контексте продолжающихся уступок под видом «прагматической» политики;

- Ухудшение ситуации на украинском фронте и расширение театра военных действий в Восточной Европе угрожает переносом конфронтации «Запад-Россия» на Южный Кавказ;

- Сегодня Армения имеет заведомо слабые позиции также в контексте союзничества с Россией, что ограничивает пространство маневра для этой республики, и без активных действий РФ для упрочнения стратегического союза с Арменией ситуация может ухудшиться для обеих сторон.

Возможности

Пересмотр геополитической роли Южного Кавказа может способствовать экономическому развитию Армении и дополнительным инвестициям, что можно было заметить после начала военных действий в Украине. Также возможно укрепление российско-армянского сотрудничества в военно-технической сфере для уравнивания позиций Турции и Азербайджана в регионе. Также стоит отметить потенциал предупреждения войны в случае построения стабильной региональной структуры отношений с участием нескольких крупных игроков, заинтересованных в обеспечении мира.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Айвазян Д.С. Южный газовый коридор как инструмент диверсификации импорта газа в Европейский Союз//Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2018. № 2. сс. 128–134.

2. Армения рискует выпасть из проекта транспортного коридора «Север – Юг». 23.10.2022. <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2022/10/24/946972-armeniya-riskuet-vipast-iz-proekta-koridora-sever-yug> (дата обращения: 23.07.2023).

3. Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. - М.: Междунар. отношения, 1999. - 256 с.

4. Большие намёки маленькой Армении. <https://www.rosbalt.ru/main/2004/05/27/163141.html>, (дата обращения: 23.07.23).

5. Величко Л.Н. Южный Кавказ в системе внешней политики США 1991-2001 гг/ Л.Н. Величко//Гуманитарные и юридические исследования. - 2018.- № 1.- сс. 20-25.
6. Газ из РФ и Азербайджана могут поставлять в Европу через газопровод ТАР. 02.11.2016. <https://regnum.ru/news/2200677> (дата обращения: 23.07.2023).
7. Давтян В.С. Геополитическое измерение энергетической и транспортно-логистической безопасности Армении: Монография. – Ер.: Изд-во ЕГЛУ, 2019. сс. 64-65.
8. Цымбурский В.Л. Остров Россия: Геополитические и хронополитические работы. 1993-2006. М.: РОССПЭН, 2007. 544 с.
9. Искандарян А. Южный Кавказ между изоляцией и интеграцией: генезис и перспективы // Кавказское соседство: Турция и Южный Кавказ. Ереван: Институт Кавказа, 2008. сс. 7-14.
10. Казмиров В.Н. Мир Карабаху. Посредничество России в урегулировании нагорно-карабахского конфликта. – 2-е изд., доп. - Москва: Международные отношения, 2015. сс. 33-34.
11. Кампанер Н. Европейская энергобезопасность и уроки истории//Россия в глобальной политике. №6, 2007. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/evropejskaya-energobezopasnost-i-uroki-istorii/> (дата обращения: 23.07.2023).
12. «Кризис углубляется»: Россия добивается гарантий прав и безопасности армян Карабаха. <https://eadaily.com/ru/news/2023/07/21/krizis-uglublyaetsya-rossiya-dobivaetsya-garantiy-prav-i-bezopasnosti-armyan-karabaha> (дата обращения: 23.07.2023)
13. Лавров убежден, что политическое урегулирование в Карабахе возможно. <https://tass.ru/politika/9712099> (дата обращения: 23.07.2023).
14. Мадридские Принципы – Полный Текст. <https://www.aniarc.am/2016/04/12/madrid-document-full-russian/>, (дата обращения: 23.07.2023).
15. Маркедонов С. М. Южный Кавказ: конкурирующие геополитические проекты – особенный регион в российской внешней политике. // Кавказ – сотрудничество ради стабильности. Материалы конференции. «ПолиГраф». Тбилиси. 2008 г. сс. 60-67.
16. Международное сообщество призывает Армению снизить планку в вопросе статуса Нагорного Карабаха – Пашиян. 13.04.2022. <https://newsarmenia.am/news/armenia/-mezhdunarodnoe-soobshchestvo-prizyvaet-armeniyu-snizit-planku-v-voprose-statusa-nagornogo-karabakha/> (дата обращения: 23.07.2023).
17. План Гобла по карабахской проблеме до сих пор является предметом интенсивного обсуждения. 14.02.2008. <https://www.panarmenian.net/m/rus/details/42634> (дата обращения: 23.07.2023).
18. Получит ли Грузия статус страны-кандидата на членство в Евросоюзе? <https://www.golosameriki.com/a/eu-georgia-decision/7137025.html> (дата обращения: 23.07.2023).
19. Посол Британии в Баку: Лондон выступает за международный контингент в Карабахе. <https://www.bbc.com/russian/news-56942212> (дата обращения: 23.07.2023).
20. Примаков о Нагорном Карабахе: часть 3. <https://mediamax.am/ru/news/special-file/22028/> (дата обращения: 23.07.2023).
21. Путин предложил США совместно использовать РЛС в Азербайджане в качестве элемента ПРО. <https://www.newsru.com/world/07jun2007/proporobuem.html> (дата обращения: 23.07.2023).

22. Россия не даст согласие на строительство транскаспийского газопровода из Туркменистана в Азербайджан. 16.12.2022. <https://news.am/rus/news/735541.html> (дата обращения: 23.07.2023).

23. Саркисян О. Л., Дунамалян Н. А. (2021) «Вторая Карабахская война в контексте освещения событий в российском медиаполе и экспертных оценках», Вестник Ереванского Университета: Международные отношения, Политология, 12 (3 (36), сс. 44–54. doi: 10.46991/BYSU:D/2021.12.3.044. URL: https://journals.yu.am/index.php/bulletin-yu-int-rel-pol/article/view/vol12_no3_2021_pp044-054/vol12_no3_2021_pp044-054_pdf (дата обращения: 23.07.2023).

24. Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока: Русский мир, 2006. - 636 с.

25. Указ об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации. 31.03.2023. <http://kremlin.ru/events/president/news/70811> (дата обращения: 23.07.2023).

26. Указ Президента Российской Федерации от 30.11.2016 г. № 640. Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации, <http://kremlin.ru/acts/bank/41451/page/4> (дата обращения: 23.07.2023).

27. Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015 г. № 683. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации. <http://www.kremlin.ru/acts/bank/40391/page/4> (дата обращения: 23.07.2023).

28. Чернявский С. И. Кавказский вектор российской дипломатии // Центральная Азия и Кавказ, №5(11), 2000, сс. 102-111.

29. Buzan, B., & Wæver, O. (2003). Regions and Powers: The Structure of International Security (Cambridge Studies in International Relations). Cambridge: Cambridge University Press. doi:10.1017/CBO9780511491252.

30. Carter, A. B., & Perry, W. J. (1999). Preventive Defense: A New Security Strategy for America. Brookings Institution Press. <http://www.jstor.org/stable/10.7864/j.ctvdfokk4> (дата обращения: 23.07.2023).

31. De Waal T. The Caucasus: an introduction. New York, Oxford University Press, 2019, PP. 101-102.

32. EU Statement on opening of the Baku-Tbilisi-Kars railway. 30.10.2017. https://www.eeas.europa.eu/node/34825_en (дата обращения: 23.07.2023)

33. FREEDOM Support Act. 102nd Congress (1991-1992). <https://www.congress.gov/bill/102nd-congress/senate-bill/2532/text> (дата обращения: 23.07.2023).

34. Integrated Review Refresh 2023. Responding to a more contested and volatile world. https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/1145586/11857435_NS_IR_Refresh_2023_Supply_AllPages_Revision_7_WEB_PDF.pdf (дата обращения: 23.07.2023).

35. Integrated Security for Germany. National security strategy. <https://www.nationale-sicherheitsstrategie.de/National-Security-Strategy-EN.pdf> (дата обращения: 23.07.2023).

36. National Security Strategy of the United States of America. December 2017. <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (дата обращения: 23.07.2023).

37. National Security Strategy. October 2022. <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (дата обращения: 23.07.2023).

38. National strategic review 2022. <https://www.sgdsn.gouv.fr/files/files/rns-uk-20221202.pdf> (дата обращения: 23.07.2023).
39. Peters, Ralph. "Blood borders." Armed Forces Journal, 1 June 2006. Web. 26 June 2014. <http://www.armedforcesjournal.com/blood-borders/> (дата обращения: 23.07.2023)
40. Rumer E., Sokolsky R., Stronski, P. U.S. Policy toward the South Caucasus: Take Three / Carnegie Endowment for International Peace. 2017. PP. 6-8. URL: https://carnegieendowment.org/files/CP_310_Rumer_Sokolsky_Stronski_Caucusus_Final_Web.pdf (дата обращения: 23.07.2023).
41. Silk Road Strategy Act of 1999. <https://www.eso.org/gen-fac/pubs/astclim/espas/maidanak/silkroad.html> (дата обращения: 23.07.2023).
42. Talbott S. A Farewell to Flashman: American Policy in the Caucasus and Central Asia. Baltimore, Maryland July 21, 1997. URL: <https://1997-2001.state.gov/regions/nis/970721talbott.html> (дата обращения: 23.07.2023).